

2. ОТ ПРОТОСИСТЕМЫ ДАНИИЛОВЫХ ПИСЬМЕН ДО МЕСРОПОВСКОГО АЛФАВИТА*

В предыдущей статье** мы показали, что если выделить из месроповского алфавита его «греческие» буквы, т. е. те, числом 22, которые в своей совокупности точно воспроизводят внутреннюю форму (звучание и порядок) греческого алфавита — $\Omega \Phi \varphi \Gamma \epsilon \Omega$
 $\Delta \Theta \iota \kappa \lambda \mu \nu \zeta \eta \theta \rho \sigma \tau \phi \psi$; — исключить из их числа ι и Γ ; перенести Π на последнее место (т. е. с места *омикрона* Ω на место *омеги* Ω); и расположить их в виде матрицы из 4 (вертикальных) x 5 (горизонтальных) пересекающихся рядов; то окажется, что графические элементы (оба или один), образующие 14 из них, группируются по рядам: основные элементы $\Pi \Gamma \eta$ и σ — соответственно в 1-м, 2-м, 4-м и 5-м горизонтальном рядах, а вторичные элементы ι ϵ ζ и θ [или \emptyset (нулевой)] — соответственно в 1-м, 2-м, 3-м и 4-м вертикальном рядах (табл. VI). Поскольку же вероятность того, что такая частичная упорядоченность — дело случая, крайне мала, речь идет о системе, сознательно созданной человеком; а поскольку создание частично упорядоченной системы неправдоподобно, речь идет скорее всего о системе, упорядоченной полностью, а затем искаженной.

Реконструировав эту полностью упорядоченную систему (табл. VII), мы показали, что к ней был затем еще добавлен шестой горизонтальный ряд (с основным элементом ι), включающий графемы ι Δ Γ и Γ (т. е. две исключенные «греческие» и две «полугреческие») и образующий вместе с протосистемой некую «двтеросистему» армянского алфавита (табл. VIII).

* * *

* [1980. Печатается по правленной авторской машинописной копии. См. с. 14-15. — *Ред.*]

** Настоящая статья является продолжением нашей работы «Протосистема армянского алфавита» («Историко-филологический журнал» [Ереван], 1980, № 2, 221-240) [= Мур.1, см. с. 16], знакомство с которой необходимо для понимания нижеследующего. — Для удобства ссылок, нумерация параграфов, таблиц и примечаний в обеих статьях — сквозная. — [Все рисованные буквы обозначают самих себя, т. е. либо (без звездочки) обобщенные формы месроповского алфавита V-VII вв. с их обычными значениями (табл. I, II и XVIII [= М.п.]), либо (со звездочкой) те же формы но с иными, незасвидетельствованными («Данииловыми») значениями, либо (тоже со звездочкой) незасвидетельствованные (реконструированные, «Данииловы») прототипы этих форм (табл. VII, VIII, XVIII = Д.п.-20 и -24. — *Авт.*]

9. *Сообщения древних историков.* В них нет недостатка. Наиболее ценны сведения, сообщаемые в «Житии Маштоца» Корюна¹⁹ (сер. V в.) и в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци²⁰ (2-я пол. V в.): хотя

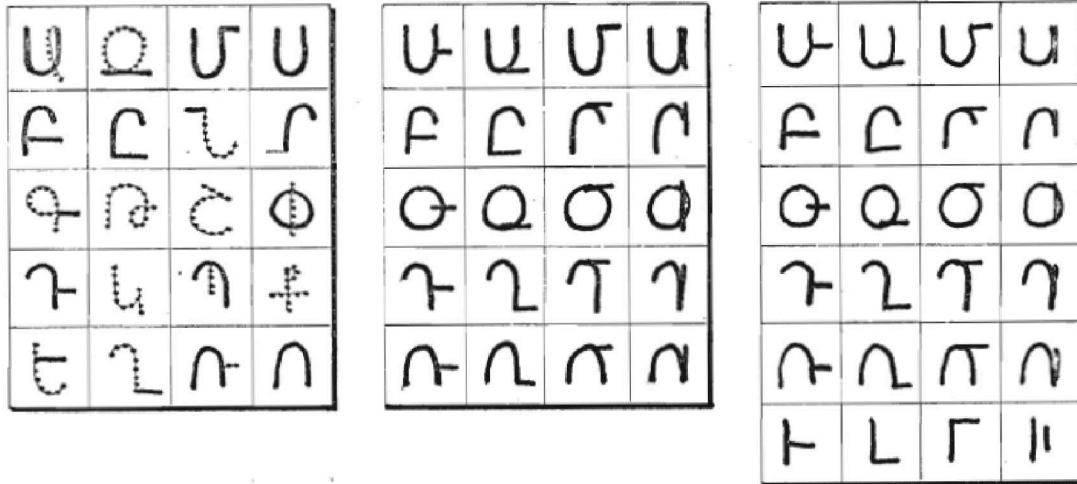

Табл. VI, VII, VIII [= Мур.1, с. 28, 32, 33]

ни тот, ни другой свидетелями описываемых событий, по-видимому, не были, оба заслуживают доверия в качестве учеников Маштоца, лично его знавших и могших черпать свою информацию из первых рук. Рассказ агиографа сбивчив, а иногда и неясен, из-за вычурности языка, скомканности повествования и позднейших искажений; зато свидетельство историка предельно ясно и подробно, и проливает свет на многие темные места у Корюна. Интересно также свидетельство другого историка, писавшего в конце V в., Лазаря Парбеци²¹, хотя оно и грешит некоторой излишней риторичностью и является отчасти цитатой из Мовсеса^{21а}.

Заслуживают внимания и более поздние источники: Давид Харкаци (VII в.)²², Самуил Анеци (X в.)²³, Степанос Таронци Асолик

¹⁹ Корюн 1941, 1962.

²⁰ Мовсес Хоренаци 1865, 1913; Моисей Хоренский 1858, 1893.

²¹ Лазар Парбеци 1904, Lazare de Pharbe 1869.

^{21а} [Речь идет об интерполяции из Мовсеса, восполняющей в одной (?) рукописи отсутствие у Лазаря каких-либо данных о поездке Месропа в Сирию. — *Авт.*]

²² Давид Харкаци 1903; русский перевод см. Эмин 1858, с. 369.

²³ Самуил Анеци 1893; Samuel d'Ani 1869, 1876.

(XI в.)²⁴, Киракос Гандзакеци (XIII в.)²⁵, Вардан Великий (XIII в.)²⁶ и др.²⁷, отражающие одну и ту же (видимо — единственную) традицию, восходящую к ученикам Маштоца.

Из этих сообщений складывается примерно такая картина.

Месроп Маштоц, получивший в юности греческое образование и служивший впоследствии секретарем при царском дворе, принимает монашество и уходит проповедовать христианство среди еще многочисленного языческого населения Армении. Его миссионерская деятельность наталкивается на труднопреодолимое препятствие: отсутствие книг Священного писания на армянском языке (приходилось переводить «с листа» греческие и сирийские книги). Так возникает идея перевести Библию на армянский язык. Но для этого требуется армянская письменность. Хотя в обиходе такой не было, однако, возможно, ходили какие-то слухи об ее существовании²⁸. Во всяком случае Месроп отправляется к католикосу Сааку Партеву с предложением организовать поиск армянских букв.

Царь Врамшапук, только что возвратившийся из похода в Месопотамию, сообщает Сааку и Месропу, что там (в Месопотамии) некий священник Абел обещал ему «*приспособить к армянскому языку письма, расположенные родственником его, (сирийским) епископом Даниилом*» (Мовсес). По настоянию Саака и Маштоца, царь отправляет некоего Вахрича Хадуни к Абелу, тот ведет его к Даниилу, Даниил знакомит их с письменами, причем кто-то из них располагает эти буквы «*по порядку греческого (алфавита)*» (Мовсес)²⁹.

Получив «Данииловы письма» (как, следуя давней традиции, будем называть их и мы), Саак и Маштоц «*попросили еще у царя*

²⁴ Степанос Таронеци Асолик 1885, Степанос Таронский Асохик 1864.

²⁵ Киракос Гандзакеци 1910, 1946, 1976.

²⁶ Вардан Бардзбердци 1861 (текст), Вардан Великий 1861 (перевод).

²⁷ Заслуживает еще упоминания анонимная Хроника, изданная в Венеции в 1904 г. (русский перевод см. в Эмин 1858, с. 369, где этот пассаж приписан Асолику) и текст, извлеченный из сборника Vartankirkh (= Osguéorig) (см. «Journal asiatique» févr.-mars 1867, p. 199 ss. и Langlois 1869 p. 7).

²⁸ По Лазарю, Маштоц, видя трудности, с какими сопряжено обучение юных армян с помощью сирийской письменности, сокрушался: «*ведь, есть же знаки армянского языка*» (Лазарь, 9).

²⁹ Мовсес, III, 52. Ср. Корюн, 6; Лазарь, 9; Самуэл, к Олимп. 300, Асолик, II, 1; Киракос I, 25-26; Вардан (с. 63 русск. перевода).

малых детей, дабы иметь возможность применить (на деле) письма. И когда многие из них усвоили, приказал (царь) повсюду обучать этими же (письменами). Тем самым блаженный (Маштоц) был удостоен прекрасного звания вардапета. Около двух лет он занимался преподаванием и вел (занятия) этими же письменами» (Корюн)³⁰. Имеются сведения, что Саак и Маштоц тут же «стали переводить на армянский язык все Священное писание» (Киракос)³¹. Однако через некоторое время они убеждаются, что «эти письма недотачны, чтобы выразить все силлабы (т. е. звуки) армянского языка» (Корюн, ср. Мовсес)³² и возобновляют поиск, на этот раз —

³⁰ Корюн, 6; ср. у Мовсеса (III, 52): Саак и Месроп, «познакомившись с ними [т. е. с Данииловыми письменами], в продолжении немногих лет учили им мальчиков».

³¹ Киракос, I, 26.

³² Корюн, 6; Мовсес, III, 52. Ср. Лазарь, 9; Киракос, I, 26. Во всех этих текстах написано не «звуки», а — буквально — «силлабы», т. е. «слоги» (zsiwłobays, zkaps, zvanks, hegenaj), как обычно и переводят. На этом основании делался вывод, что Данииловы письма состояли из одних согласных, т. е. восходили к какому-то семитскому алфавиту (см. Периханян 1966, с. 105). Но о «словах» говорится и в других контекстах, причем и об армянских, и о греческих. «Ты возьмишь других лиц из числа иереев, которых я тебе укажу, чтобы они помогли тебе собрать [армянские] слог», говорит Саак Месропу в самом начале его предприятия (Лазарь, 9); Месроп придал армянским буквам устойчивость и порядок греческих «слов» (Корюн, 8; Мовсес, III, 53 [= Лазарь, 10]; Лазарь 10 [повторно]). Нетрудно убедиться, что во всех контекстах по смыслу требуется либо «звуки», либо «буквы» (что в те времена было одним понятием, как правильно отметила Периханян 1966, с. 116-117). Почему же написано «слоги»? Потому что на всех письменных языках, имевших хождение по соседству с Арменией (вплоть до Египта), понятия звук и слог не различались, так как каждая буква в консонантных семитских и восходящих к семитским алфавитам была силлабограммой, т. е. обозначала не фонему, а именно слог, состоящий из данного согласного и любого гласного. Само армянское слово si(w)lobay заимствовано не прямо из греческого συλλαβή, а через сирийское seḷluba (seḷlabē, slūbīa). Надо ли удивляться, что бесписьменные армяне позаимствовали у своих соседей не только слово, но и это его значение, если даже среди обзаванных греков, живших на Востоке, слово συλ-λαβή (сь-лог) вопреки своей прозрачной этимологии часто обозначало... букву/звук, в том числе и греческую, несиллабическую? Первый известный нам пример — у автора аж III в. до н. э. Геро(н)да Эфесского («Мимиямбы» III, 22). Но и 500 лет спустя, за сто лет до того, как в Самосату явится Маштоц в поисках армянских букв, тамошний выдающийся писатель-сатирик Лукиан изобразит в своем «Суде гласных» греческую букву Сигму говорящей следующее Суду, состоящему из Семи гласных: «я всегда отличалась умеренностью по отношению к вам и прочим буквам (τὰς ἄλλας συλλαβάς)» (Lucian. Jud. voc. 2; ср. там же 8, в конце). В подобном же значении слово συλλαβή встречается и у некоторых восточных отцов церкви (Orig. in Ev. Joh. I, 24; Isid. Pelus. Epist. III, 95; Theodoret. in Dan. V, 31). В армянском это словоупотребление было, по-видимому, прекращено появлением грамматических трудов (в первую очередь «Искусства грамматики» Дионисия Фракийца и армянских комментариев к нему, где слог и буква различались. То же, по-видимому, произошло и в сирийском языке [древнейшая грамматика которого датируется VI веком (Иосиф Хузистанский)], когда возникла потребность в огласовке. — Остроумная гипотеза Периханян (1966, с. 113-115) о том, что под «устойчивостью греческих слогов» нужно понимать

«недостающих» Данииловых писем³³.

Месроп отправляется в Месопотамию прямо к Даниилу³⁴, а затем, «не найдя у него ничего более прежнего» (Мовсес), продолжает свои безуспешные поиски в Эдессе и Самосате. Там на отчаявшегося Месропа нисходит благодать и некая «десница» являет ему буквы армянского алфавита. К этому эпизоду мы еще вернемся^{34а}, а покамест попробуем свести воедино все, что сообщают нам историки о таинственных Данииловых письменах (или Д.п., как мы их будем ниже сокращенно писать).

10. *Традиция о Данииловых письменах.* К сожанию ни о природе Д.п., ни об их предистории, ни об обстоятельствах их появления у епископа Даниила наши источники не сообщают ничего достоверного. Имеются, правда, противоречивые сведения об их числе: то ли 17, то ли 22, то ли 24, то ли 29, но они не внушают доверия³⁵. Имеется текст, в котором утверждается сирийское происхождение и перечисляется полный состав Д.п., но приведенный в нем список (как и сличение форм) сводят ценность сообщения к нулю³⁶. Корюн и Мовсес тоже говорят о «чужих», «заимствованных» письменах, но

отсутствие в них той неопределенности, которая присуща сирийским неогласованным (на письме) слогам, не поясняет других примеров употребления понятия «слог» там, где естественно ожидать «звук» или «буква», в частности те, которые явились поводом настоящего примечания.

³³ См. ниже прим. 44.

³⁴ Сопоставление текстов Корюна (Маштоц поехал сначала в Эдессу и Амиду, а затем в Самосату) и Мовсеса (он поехал сначала к Даниилу, затем в Эдессу, наконец «на Самос») наводит, на мысль, что Даниил был епископом Амиды или, во всяком случае, жил в этом городе.

^{34а} [См. Мур. 3, с. 65.]

³⁵ Давид Харкаци: 24, анонимная Хроника: 29, Вардан: 22, «Вардангирк»: 17. Но 24 — число букв греческого алфавита, 29 — арабского (и армянских согласных), 22 — сирийского, 17 — сирийского же за вычетом букв непригодных (по мнению автора) для звуков армянского языка. Иными словами мы имеем здесь 1) гипотезу о греческой природе Д.п., 2) гипотезу об их арабском происхождении (или, скорее, еще одну «сирийскую» гипотезу, см. ниже), и 3) две или даже три версии гипотезы о сирийском происхождении Д.п., в основу первой из которых кладется число сирийских букв (22), в основу второй — число сирийских «пригодных» букв (17) [а в основу третьей — факт отсутствия в сирийском алфавите гласных; последней теории придерживался, по-видимому, автор интерполяции в части рукописей Мовсеса о том, что Месропу были явлены лишь семь гласных, из чего следует, что 29 согласных были уже налицо]. См. след. прим.

³⁶ По «Вардангирку» Месроп получил от Бога 6 гласных (Ա Ե Ո Ւ Ը Ի) и 13 согласных (Բ Գ Ժ Ծ Զ Դ Զ Վ Շ Ը Յ Փ), а остальные 17 букв (Դ Զ Է Թ Լ Խ Կ Զ Ղ Ս Ն Շ Տ Չ) от Даниила. Любопытная деталь: Даниил предлагал все 22 сирийские буквы, но Абел «забраковал» 5 из них.

у Лазаря, в анонимной Хронике и у Вардана они фигурируют как древние *армянские* письмена³⁷. Армянскими же их называет Врамшапух у Корюна, тогда как Абел у Мовсеса берется лишь «приспособить» их к армянскому языку³⁸. Наконец, непонятна и роль Даниила: по Корюну, он их «расположил»; по автору Хроники — «устроил»³⁹. Ясно, что по всем этим вопросам наши источники, даже самые древние, ничего путного не знали.

Зато о последующей истории Д.п. древние историки хорошо осведомлены. Все они либо утверждают, либо во всяком случае не опровергают утверждение, что Д.п.: 1) существовали до изобретения Маштоцем 36-буквенного алфавита⁴⁰; 2) практически использовались Месропом и Сааком для обучения детей (и, возможно, для пробных переводов Библии) и *были даже официально санкционированы царем в качестве общеобязательной системы письма*⁴¹; 3) *были усовершенствованы* Месропом и Сааком⁴²; 4) оказались недостаточными для передачи всех звуков армянского языка⁴³; и 5) были включены в месроповский алфавит наряду с новоизобретенными («Богом данными») буквами. Правда, ни у Корюна, ни у Мовсеса мы последнего утверждения не находим, но и у них оно является неизбежным выводом из рассказа о том, как Месроп отправился в поиски не другого алфавита, а именно *недостающих* букв⁴⁴.

³⁷ Корюн, 6; Мовсес, III, 52; Лазарь, 9; Хроника; Вардан (с. 63 русск. пер.).

³⁸ Корюн, 6; Мовсес, III, 52.

³⁹ Мовсес, III, 52; Хроника.

⁴⁰ Все источники без исключения.

⁴¹ Корюн, 6; Мовсес, III, 52; Киракос, I, 26.

⁴² Самуэл Анеци, Олимп. 300; Асолик, II, 1.

⁴³ Все источники (см. выше, прим. 32, в начале).

⁴⁴ Лазарь, 11: «*Маштоц, которого божественная благодать вдохновила упорядочить древние письмена...*»; Асолик, II, 1; Хроника; Вардан (с. 63 р.п.); «Вардангирк» (см. выше, прим. 36). Корюн, 6-7, пишет, что обнаружив недостаточность Д.п., Маштоц и Саак «*вторично стали хлопотать о том же и некоторое время искали того же выхода. Потому и блаженный Маштоц... двинулся в путь... и прибыл в страну Арама (Сирию)...*». А Мовсес (III, 53 = Лазарь 10) говорит, что «*Месроп сам лично отправился в Месопотамию... к упомянутому Даниилу и, не найдя у него ничего более прежнего, направляет свой путь в Эдессу...*», а оттуда «*на Самос*», продолжая свой поиск; лишь «*не могли и тут извлечь никакой пользы*», он решает действовать самостоятельно.

11. *Сопоставление и выводы.* Ясно, что если протосистема «греческих» букв и девтеросистема «грекоидных» букв — не плод нашей фантазии, а сведения о Данииловых письменах — не выдумка древнеармянских историков (кстати обе системы были нами обнаружены сперва на материале современных прописных букв и в полном неведении о существовании Д.п.), то *одна из этих систем* — скорее всего протосистема — *и есть Данииловы письма.* Вряд ли найдется в истории науки много примеров такого согласия между свидетельствами древних и результатами совершенно независимых, сугубо формальных наблюдений.

Отныне должно быть ясно, что: 1) Данииловых писем было 20 или 24 (возможна формулировка: сначала 20, а потом 24)⁴⁵; 2) они имели начертания, реконструированные в табл. VII и VIII или весьма близкие к ним; 3) они не были ни арамейскими, ни греческими, ни пехлевийскими, ни авестийскими, а абстрактной системой знаков, использовавшей в качестве внутренней формы значения букв греческого алфавита; 4) Месроп Маштоц действительно включил их в свой алфавит, но сильно видоизменив половину из них.

Относительно предыстории Д.п. (*Чем они были? Кто их создал? Зачем? Когда? Как они оказались у Даниила?*) мы можем только гадать доколе не будет обнаружена дополнительная информация. Лишь одно можно более или менее уверенно утверждать: что абстрактная система знаков Д.п. была не алфавитом, а чем-то вроде *тайнописи* или *иератического письма* для узкого круга посвященных. История письма не знает ни одного обычного алфавита, графемы которого были бы сконструированы подобным образом⁴⁶,

⁴⁵ Следовательно, ближе всего к истине (быть может, не случайно) был наш древнейший источник о числе Д.п. — Давид Харкаци (см. выше прим. 35).

⁴⁶ [Но см. ниже прим. 61.] Подобным образом по определению построены все силлабарии, образовавшиеся путем систематической огласовки консонантных алфавитов. Этим — а также сходством 4 из 26 базовых знаков для согласных с основными элементами Данииловых писем и, особенно, трех из семи дополнительных элементов, уточняющих гласный, со вторичными элементами Д.п. — и объясняется тот (на первый взгляд — поразительный) факт, что в эфиопском силлабарии представлены формы, совпадающие с формами, или весьма близкие к формам, около двух десятков месроповских писем (нельзя забывать, что всего в силлабарии 182 знака!). См. Севак 1962 с. 46-48; Ольдерроге 1968. 1969 ; Фридрих 1979 табл. 415, 417.

зато известно немало криптографических систем, построенных по тому же принципу⁴⁷. [Основные отличия тайнописи от алфавита: 1) знаки обозначают не звуки языка, а буквы алфавита; 2) знаки суть либо буквы с измененным значением, либо искусственные — часто: комбинаторные — новообразования; 3) чтение тайнописи требует знания ключа, наипростейшим из коих является однозначное соответствие между определенным образом упорядоченными ее знаками и буквами соответствующего алфавита.] Как тайнопись, Д.п. могли использоваться для записи сообщений на любом письменном языке, для которого достаточно было 20 знаков. Поскольку в интересующем нас регионе таких языков было довольно много (в частности, использующих семитский алфавит), вопрос о языке предназначения Д.п. остается открытым.

Из допущения, что Д.п. были тайнописью, и из других данных, которыми мы располагаем, вытекают следующие, отнюдь не тривиальные выводы.

Первое. Как тайнопись, Д.п. не были созданы для армянского языка: тайнописей для бесписьменных языков не бывает, да и знаков маловато. Следовательно, Даниил либо ошибся, либо солгал.

Второе. Как тайнопись, Д.п. состояли только из 20 знаков: иначе, при наложении их на греческий алфавит (см. Четвертое) не было бы нужды выбрасывать из последнего 4 буквы, чтобы затем добавить новые знаки для двух из них (см. Шестое).

Третье. Из того же факта следует, что, как тайнопись, Д.п. не были созданы и для греческого языка (тем более, что запись греческих текстов без знаков для дифтонгических значений Ι [j] и Υ [w] весьма затруднительна)^{47а}.

Четвертое. Тем не менее, 20-значные Д.п. (далее: Д.п.-20) были все же кем-то наложены на греческий алфавит минус «лишние» буквы Ι Ο Υ Ψ.

Пятое. Наложение это имело место не ранее так называемого

⁴⁷ Ср., например, древнеирландское огамическое письмо или поздние армянские тайнописи типа «посошной»; см. Macalister 1976, Абрамян 1978.

^{47а} [Простоты ради, мы вслед за Маштоцем не проводим различия между «краткими» (неполногласными, неслогообразующими) гласными [i] и [u] и соответствующими согласными [j] и [w] — *Авт.*]

«иотацизма», т. е. совпадения произношения греческих букв Η и Υ с произношением полногласной иоты Ι [i]: иначе буквы Ι и Υ не показались бы «лишними» после Η. (К сожалению этот вывод мало что дает, ибо «иотацизм», возникнув в эллинизированном Египте на рубеже II-III вв. н. э., распространялся весьма неравномерно и стал нормой во всем грекоязычном мире лишь к концу I тысячелетия. Тем не менее, среди местного населения Восточных провинций Римской империи, он был уже свершившимся фактом в III-IV вв.)⁴⁸

Шестое. Д.п.-20 были впоследствии кем-то усовершенствованы путем добавления четырех знаков (шестого горизонтального ряда) для *армянских* звуков [j], [ɬ], [r] и [w]: другого языка, нуждающегося в двух «л» и двух «р», в этом ареале и в эту эпоху мы не знаем, а предполагать, что знаки *Է и *Ը были добавлены ранее знаков Լ и Ը (т. е. для другого языка, напр. греческого), у нас нет оснований ввиду единства всех четырех графем как членов 6-го ряда.

Эти выводы допускают несколько взаимоисключающих толкований, ни одно из которых не может претендовать на полную достоверность. Наиболее правдоподобным нам представляется следующее. 20-значная тайнопись, созданная для какого-то, по-видимому, семитского в своей основе, алфавита из 20 букв, была кем-то (Даниилом? Абелом?) наложена на внутреннюю фому греческого алфавита (минус 4 «лишние» буквы), чтобы служить армянской азбукой.

Позднее к ней был добавлен новый ряд знаков, построенный по тому же принципу для передачи выявленных (также с помощью греческого) четырех других, не представленных в ней звуков армянского языка. (Это добавление уже можно приписать Месропу, по-

⁴⁸ Уточним, что *эта* и *ипсилон* совпали в произношении с *иотой* не одновременно: для *эты* такое произношение стало общей нормой уже в первые века новой эры, для *ипсилона*, оно утвердилось во всем грекоязычном мире лишь к концу I тысячелетия, но засвидетельствовано уже надписями и папирусами первых веков н.э. в Египте, Сирии и Малой Азии. См., напр., Schwyzer 1968, I, S. 174, 186, 183-184 (и указ. там литературу); Allen 1968, p. 71, 65, 74. Из того факта, что армянские переводчики греческих текстов часто отображали греч. Η при помощи Է или Ը, а Υ — при помощи ԸԸ (см. Thumb 1959, p. 395, 450), вытекает лишь то, что они следовали иной (ученой византийской? понтийской?) традиции, нежели та (скорее всего — сирийская), которой следовал автор «озвучивания» Данииловых писем. Сосуществование в одном и том же языке нескольких различных способов произнесения отдельных фонем (в зависимости от культурного уровня или от местности) — общеизвестный факт. Так в Польше буквы ł, ą и ę произносятся одними поляками (пуристами) [ɫ], [ɔ] и [ɛ], а другими (большинством) [w], [ɔn] и [ɛn].

скольку оно произошло после расположения Данииловых писем «по порядку греческого алфавита», произведенного, если верить Мовсесу, еще у Даниила.) Неудивительно, что созданный столь примитивным способом алфавит быстро обнаружил свою непригодность и потребовал куда более коренных усовершенствований, чем простое дополнение его четырьмя знаками.

Если «предыстория» Д.п. пока остается гипотетической, их история, благодаря древним источникам, проступает достаточно ясно. Сперва Д.п. выступают в качестве *полноправого алфавита*, служащего (хорошо ли, плохо ли) для передачи *всех* звуков армянского языка: ему обучают детей, на нем делают пробные переводы. Затем обнаруживается принципиальная недостаточность этого армянского алфавита; предпринимаются безуспешные попытки найти «недостающие Д.п.»; создаются новые буквы, чтобы заполнить пробелы. Наконец Д.п. включаются в окончательный армянский алфавит в качестве подмножества его «греческих» и «полугреческих» букв, причем знаки первоначальной (полной) системы рекуррентных элементов подвергаются значительным изменениям, которые наполовину ее разрушают, превращая прежние *Данииловы* письма в новые *Даниило-Месроповские* письма (Д.М.п.). Ибо, разумеется, у нас нет ни малейших оснований сомневаться в достоверности традиции, связывающей всю эту деятельность с именем Месропа Маштоца.

* * *

Мы приступаем теперь к восстановлению работы Месропа Маштоца над созданием алфавита, носящего его имя. Наша исходная гипотеза при этом следующая. В основе месроповского алфавита лежит 20-значная, реконструированная выше, протосистема Данииловых писем, к которой был добавлен (скорее всего — самим Маштоцем) шестой ряд, превративший ее в 24-значную девтеросистему. Работа Маштоца заключалась в последовательном и систематическом устранении весьма значительных дефектов как внешней, так и внутренней формы этого примитивного армянского алфавита, что и привело, с одной стороны, к усовершенствованию форм Д.п. (созданию на их основе Д.М.п.), а с другой — к созданию еще 12 знаков, имеющему целью привести внутреннюю форму алфавита в соответствие с фонологической системой армянского языка.

* * *

12. *Недостатки внешней формы Д.п. и их устранение (создание Д.М.п.).* Внешняя форма алфавита тем совершеннее, чем легче писать им и читать написанное. Легкость *начертания* предполагает: 1) простоту форм графем и 2) их адекватность материалу, которым и на который они должны наноситься, а также типу письма (книжное, обычное, лапидарное и т. п.), для которого они предназначены. Легкость *чтения* зависит прежде всего: 1) от дифференцированности графем, предполагающей у них не только наличие отличительных признаков (обязательность коих очевидна), но и отсутствие какого-либо чрезмерного сходства между ними, и 2) от инвариантности (устойчивости) индивидуальных черт графем при более беглом письме.

Начертить Д.п. легко: у них простая форма, которую нетрудно нанести на любой мягкий материал или высечь на камне.

Иное дело чтение Д.п. Читать их несомненно было весьма трудно из-за малой дифференцированности их форм, являющейся следствием самого комбинаторного способа построения графем. Нужно напрячь внимание, чтобы не спутать друг с другом графемы следующих пар, которые отличаются только либо степенью подъема вторичного элемента, либо длиной одной из своих двух «ножек»: [см. табл. IX]. Эти сходства усугубляются при малейшей курсивизации писем, которая чаще всего смазывает различия по высоте и по длине.

Никак не может быть случайным тот факт, что изменения форм, внесенные Месропом Маштоцем в Д.п. устраняют все отмеченные нами сходства *до единого* (все графемы, помеченные в табл. IX звездочкой, подверглись значительной переделке). В этом-то и заключался смысл

Ц [*] Ц _a z	П [*] П _r e
Q [*] Q _g t'	Q [*] Q _g s
Г [*] Г _d e	Г [*] Г _k f
П [*] П _r p	П [*] П _r n
П [*] П _o k'	П [*] П _o m t

Таблица IX. Чрезмерно друг на друга похожие Данииловы письма

этих изменений. Разумеется, они повлекли за собой неизбежное разрушение протосистемы, поскольку именно в системности форм был корень зла.

Метод *интерполяции от реконструированных форм Д.п. к засвидетельствованным формам Д.М.п.* позволяет достаточно четко себе представить использованные Маштоцем способы трансформации графем.

Шесть графем полностью сохранили свое «данииловское» начертание (табл. X а).

Шесть графем подверглись незначительным, «косметическим» поправкам: упразднение вторичного элемента I ($\cap \cup$), перемещение вторичного элемента ближе к центру ($\cap \Phi$), курсивизация (загиб) вторичного элемента ($\vdash \Gamma$) (табл. X б).

Собственно трансформации подверглись одиннадцать графем, причем двумя разными способами.

Пять графем суть не что иное, как курсивные варианты соответствующих Д.п. с усеченной частью черты, восходящей к основному элементу ($\Omega \varphi \alpha \zeta$), или просто с пониженным вторичным элементом (\mathcal{U}) (табл. X в).

Пять графем получены из соответствующих Д.п. путем замены одного из двух элементов на другой, причем исходный *основной* элемент заменялся новым (не представленным в Д.п.) элементом \mathcal{L} ($\mathcal{T} \mathcal{L}$), а вторичный элемент, горизонтальный — вертикальным, вертикальный же горизонтальным ($\mathcal{M} \mathcal{L} \vdash$)⁴⁹. Еще одна графема (\mathcal{U}) получена путем замены обоих элементов по тому же правилу (табл. X г).

Лишь в одном случае Месроп Маштоц ввел форму, совершенно ничего общего с Д.п. не имеющую. Графема \ddagger есть, как известно, не что иное, как одна из форм «хрисмы», греческой монограммы Иисуса Христа (более известная форма: X)⁵⁰. Недаром в оконча-

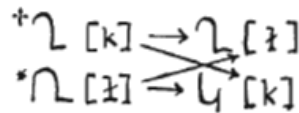
⁴⁹ Это стройное и простое правило преобразования косвенно подтверждает наше допущение о характере вторичного элемента 4-го вертикального ряда (§ 7). Если бы он был нулевым (\emptyset), пришлось бы предположить замену \emptyset на $-$, а $-$ на \vdash , чему противоречит форма Φ . Превращение $\ast\vdash$ в $\ast\mathcal{L}$ [w] потребовало замещения $\ast\vdash$ [j] курсивным вариантом \mathcal{L} .

⁵⁰ По преданию это тот самый знак, который Константин Великий, увидев его на небе (а затем во сне), приказал воспроизвести на своем знамени (знаменитом лабаруме) и шлеме, а также на щитах своих солдат, накануне своего решающего сражения с Максентием (28 окт. 312 г.), чем и

тельном алфавитном порядке буква Π перешла с места *омеги* на место *омикрона*, уступив заключительное место букве \ddagger !

Во многих случаях конкретная реализация изменения Д.п. была продиктована еще и стремлением получить форму, напоминающую соответствующую греческую курсивную букву (см. табл. X вне картушей).

Подобным же стремлением, по-видимому, объясняется и пермутация значений номеров 9 и 10 Д.п. :

Сходство между обоими этими письменами (см. выше табл. IX) потребовало изменения одного из них. Выбор пал на второй, который (подобно \mathfrak{t} и \mathfrak{r}) получил новый основной элемент \mathfrak{L} :

Но в результате оказалось, что арм. буква *k* похожа на греческую курсивную *лямбду* λ , а арм. буква \mathfrak{k} — на греч. курс. *каппу* χ . Это, наверное, и вызвало перестановку значений обеих графем и дальнейшее сближение арм. *k* с греч. χ путем замены (как и в \mathfrak{N}) горизонтального вторичного элемента вертикальным: (См. табл. X *a*, *z*).

13. *Недостатки внутренней формы Д.п. (= Д.М.п.) и их устранение (создание собственно Месроповских писем [М.п.]).* Чтобы судить о степени неадекватности Данииловых писем (ставших, после усовершенствования их форм, Даниило-Месроповскими письменами) фонетическому составу древнеармянского языка, небесполезно знать, какими именно были их первоначальные звуковые значения.

Прямых данных у нас нет. Зато известны, с одной стороны, значения 22 греческих букв, которые были перенесены на соответствующие Д.п., а с другой — значения «греческих» и «полу-греческих» букв месроповского алфавита в его окончательном виде.

обеспечил себе победу. Событие это описано (с уст самого императора?) Евсевием Кесарийским (ок. 260 – ок. 340 гг.) в его «Житии Константина» (Euseb. Vita Constantini, I, 28-31 [pp. 29-31 Winkelmann]). Об истории монограммы Христа см.: V. Gardthausen 1924 с. 72-105 (особенно с. 78-79); Н. Барсов 1895 с. 656; об археологических памятниках, на которых она представлена, см., напр.: Kaufmann 1913 с. 264-266.

Между этими двумя рядами, помимо отмеченной ранее (§ 12) перестановки значений k и ʎ, налицо лишь два несоответствия (ср. табл. II и V): Н [i] - Ը [ə] и Ճ [ks] - Շ [š]. Следовательно, за исключением этих двух случаев и данной перестановки, первоначальные значения Д.п. были теми же, что у соответствующих им Д.М.п., входящих в состав 36-значного алфавита.

Но то же можно утверждать и о значении Д.п., ставших Д.М.п.: армянскому языку было ни к чему звукосочетание [ks] (или [khs]), зато его очень устраивало значение [š], которое буква Ճ часто представляла при передачи негреческих имен (ср. Ճիբքիս ‘Хшаярша’ [Ксеркс], ’Արտաճաք ‘Арташес’).

Несколько сложнее обстоит с парой Н - Ը. В момент придания Д.п. внутренней формы греческого алфавита, эта Н явно произносилась уже не [e], а [i], во всяком случае на том греческом языке (сирийской или египетской койнэ?), на котором говорил автор этой операции (Даниил? Абел?) (ср. § 11, пятый вывод, и прим. 48). Следовательно графема Ը, скорее всего, первоначально обозначала звук [i] (нигде более в Д.п.-20 не представленный).

Итак, Д.п.-20 имели следующие *основные* значения:

[a] [b] [g] [d] [e] [z] [i] [th] [k] [ʎ] [m] [n] [š] [p] [rr] [s] [t] [ph] [kh] [o]

Шестой (дополнительный) ряд прибавил к ним значения [j] [l] [r] и [w], причем толкование *Ի как знака, введенного для неслогового "и" следует из всего вышесказанного об отсутствии коррелятов *иоты* и *ипсилона* в 20-значных Д.п., о введении таковых в дополнительном ряду (§ 5, 8, 11), и об исходном значении *Ը.

Следовательно Д.п.-24, если они были однозначными, могли передавать лишь следующие звуки древнеармянского языка:

<i>гласные</i> -	[a] [e] [i] [o]	
<i>полугласные</i> -	[j] [w]	
<i>взрывные</i> -	[b] [d] [g] (звонкие)	
	[p] [t] [k] (глухие)	
	[ph] [th] [kh] (придыхательные)	
<i>сонанты</i> -	[m] [n] (носовые)	
	[ʎ] [l] (латеральные)	
	[rr] [r] (дрожящие)	

фрикативные - [s] [š] [z] (переднеязычные)

Оставались необозначенными (и, следовательно, сперва неопознанными) звуки:

<i>гласные</i> -	[ə]	[ē/ei]	
<i>фрикативные</i> -	[v]		(губно-зубной)
	[ž]		(переднеязычный)
	[x]		(заднеязычный)
	[h]		(ларингальный)
<i>аффрикаты</i> -	[dz]	[dž]	(звонкие)
	[ts]	[tš]	(глухие)
	[ths]	[thš]	[придыхательные] ⁵¹

Как же эти неотраженные в Д.п. звуки выражались на письме?

Дальнейшее, разумеется, — гипотетическая реконструкция, поскольку фактических данных до нас не дошло никаких. Однако эта реконструкция покоится на прочном фундаменте законов фонетики и — главное — подтверждается формами, избранными Месропом для новых букв.

Все неотраженные в Д.п. звуки распадаются на два больших класса: класс «простых» звуков и класс «сложных» звуков, т. е. звуков, неразложимых на другие звуки, и звуков разложимых. Ко второму классу (помимо дифтонгов и трифтонгов — а также полу(со)гласных [j] и [w], воспринимавшихся как удвоения гласных [i] и [u] —) принадлежат дифтонгоиды и аффрикаты; к первому — все остальные звуки. Очевидно, что наилучший способ передать «сложные» звуки есть описательное сложение их из соответствующих «простых»: [ei] из e+i, [ts] из t+s, [dz] из d+z и т. д. Единственная неопишуемая таким способом (из-за отсутствия ž) аффриката [dž] могла изображаться как d+š. (См. табл. XI, нижние ряды.)

«Простые» звуки передать было сложнее, чем «сложные», а именно из-за их «простоты». Если не вводить ни новых графем, ни каких-либо диакритических знаков, остается только одно решение:

⁵¹ О фонологической системе древнеармянского, см. Агаян 1964, Туманян 1971. Мы опустили дифтонги, трифтонги и дифтонгоид [ow] > [u], поскольку они и в месроповском письме обозначались описательно, при помощи ди- и триграфов. Транскрипция [ei] обозначает дифтонгоид, т. е. бывший дифтонг [ej], который в нач. V в. находился в процессе монофтонгизации, завершившейся во второй половине того же века (см. Туманян 1971 с. 56; Агаян 1964 с. 133).

2. От протосистемы Данииловых писем до Месроповского алфавита

обозначать каждый такой непредставленный звук *фонетически наиболее близким ему звуком из числа представленных*. Причем под фонетической близостью следует понимать не что угодно, а в первую очередь общность места артикуляции и тождество по признаку звонкий/глухой (включая аспирированный), во вторую же — тождество места и способа артикуляции при различии по признаку звонкий /глухой/аспирированный.

Звонкий губно-зубной фрикативный [v] наиболее близок к губно-губному звонкому взрывному [b] (или, возможно, [bh]). Заднеязычный глухой фрикативный [x] стоит в таком же отношении к заднеязычному глухому аспирированному взрывному [kh]. Причем и в том, и в другом случае другого подходящего звука нет. У звонкого шипящего [ʒ], напротив, два близких аналога среди значений Д.п.: звонкий свистящий [z] и глухой шипящий [š]. Но как глухой, второй явно уступает первому. Зато ларингальный [h] вообще не имеет близкого себе звука среди значений Д.п. Больше

ⵀ	ⵁ	ⵂ	ⵃ
[a]	[z/ʒ]	[m]	[s]
ⵄ	ⵅ	ⵆ	ⵇ
[b/v]	[i/e]	[n]	[t]
ⵈ	ⵉ	ⵊ	ⵋ
[g]	[tʰ]	[ʃ]	[pʰ]
ⵌ	ⵍ	ⵍ	ⵍ
[d]	[k/h]	[p]	[kʰ/x]
ⵎ	ⵏ	ⵏ	ⵏ
[e]	[ɨ]	[xy]	[o]
ⵐ	ⵑ	ⵒ	ⵓ
[i]	[l]	[r]	[ʁ]
ⵔⵀ	ⵔⵂ	ⵔⵄ	ⵔⵆ
[ts]	[tʃ]	[dʒ]	[dʒʰ]
ⵔⵈ	ⵔⵉ	ⵔⵊ	ⵔⵋ
[tʰs]	[tʰʃ]	[eɨ]	[ou]

Таблица XI. Обозначение Данииловыми письменаами фонологической системы древнеармянского языка (за исключением дифтонгов и трифтонгов) (реконструкция)

всего приближается к таковому звук [kh] (но он уже «занят»), а чуть дальше отстоит его неаспирированный коррелят [k]: оба они глухие и артикулируются в задней части речевого аппарата.

Отсюда вывод, что Д.М.п. *Բ *Ք *Չ и, возможно, *Լ имели, по всей видимости, и вторичные значения [v] [x] [ž] и [h].

Что же касается нейтрального гласного [ə], тут мы можем говорить с полной определенностью, поскольку таково именно произношение графемы Լ в Д.М.п. (в отличие от той же графемы в Д.п., произносившейся, как мы видели, [i]). Подобная смена произношения была бы немыслима, если бы графема Լ не имела уже в Д.п. вторичного значения [ə]⁵².

(См. табл. XI, верхняя часть.)

Итак, Даниило-Месроповы письма действительно могли выступать в роли самостоятельного армянского алфавита, но ценою двухзначности пяти графем и употребления восьми диграфов для обозначения монофтонгов и дифтонгоидов. По мнению Маштоца и его соратников, это была слишком дорогая цена. Диграфия и особенно многозначность части букв приводили к двухсмысленностям, а двусмысленности были совершенно противопоказаны в таком ответственном деле, как перевод Библии⁵³. Помогши Месропу опознать все «негреческие» фонемы армянского языка, они в конце концов привели его к выводу, что Данииловы письма надо дополнить, либо найдя недостающие буквы, либо создав новые.

14. *Создание собственно Месроповских писем.* «Недостающих» писем, как мы знаем, Месроп не нашел, а новые зато создал. Ка-

⁵² См. ниже, § 14, абзац о создании буквы Յ.

⁵³ Примеры омографов, возникших из-за неразличения на письме (1) звуков [b] и [v]: *ber* [ber/ver] 'плоды'/'верх', *bark* [barkh/varkh] 'нравы'/'поведение'; (2) звуков [z] и [ž]: *zang* [zang/žang] 'звон'/'ржавчина', *xuzem* [xuzem/xužem] 'проверяю'/'врываюсь, вбегаю'; (3) звуков [k] и [h]: *kin* [kin/hin] 'женщина'/'старый'; (4) звуков [i] и [ə]: *sirel* [sirel/sərel] 'любить'/'заострить'. Примеры оппозиций аффрикат и соответствующих звукокомплексов «взрывной плюс фрикативная» редки (например: (mi)krtser [kər.tser/kərt.ser] '(не) грызи'/'младший'), но при слого-разделе звукокомплексы разделяются по двум слогам, аффриката же всегда находится в пределах одного слога: *kat*'-say 'котел', но *ka*-t'sin 'топор'. Это свойство (которое ярко проявляется, например, при медленной диктовке вслух) и послужило, по-видимому, основной причиной опознания аффрикат как самостоятельных фонем. Приведенные примеры частично заимствованы у Туманян 1971 (с. 47, 61, 63, 64), частично подсказаны ею лично, за что мы приносим ей свою благодарность.

2. От протосистемы Данииловых писем до Месроповского алфавита

ким образом? Насколько позволяет судить сличение древних форм, он произвел:

- знаки для двух «сложных» звуков путем слияния диграфов, использовавшихся ранее для их обозначения;
- знаки для четырех фрикативных путем видоизменения графем, вторичными значениями которых они были;
- знаки для аффрикат путем видоизменения одной исходной формы, так, чтобы каждая буква отражала набор дифференциальных признаков обозначаемой ею графемы.

Начнем с наиболее ясного случая: с фрикативных.

Достаточно сравнить М.п. \mathcal{U} \mathcal{J} \mathcal{K} и \mathcal{L} с фонетически наиболее близкими им Д.М.п. \mathcal{F} \mathcal{Q} \mathcal{U} и \mathcal{P} , чтобы убедиться, что все первые получены из вторых путем *поворота и незначительной модификации*. Угол поворота в каждом случае — разный, но отнюдь не

\mathcal{F} 2 [b]	$\left[\begin{array}{c} \swarrow \\ \downarrow \\ \searrow \end{array} \right]_{90^\circ}$	\mathcal{U} 30 [v]	\mathcal{U}	U
\mathcal{Q} 6 [z]	$\left[\begin{array}{c} \swarrow \\ \downarrow \\ \searrow \end{array} \right]_{135^\circ}$	\mathcal{J} 10 [z]	\mathcal{J}	J
\mathcal{U} 15 [k]	$\left[\begin{array}{c} \swarrow \\ \downarrow \\ \searrow \end{array} \right]_{45^\circ}$	\mathcal{K} 16 [h]	\mathcal{K}	K
\mathcal{P} 36 [x]	$\left[\begin{array}{c} \swarrow \\ \downarrow \\ \searrow \end{array} \right]_{90^\circ}$	\mathcal{L} 13 [x]	\mathcal{L}	L

Таблица XII. Образование новых знаков для фрикативных из фонетически наиболее близких Д.М.п.

Вне картуша: впереди стоящие буквы, служившие критерием модификации

случайный: 90° влево и 90° вправо (в сумме 180°) для двух крайних, 135° влево и 45° вправо (в сумме 180°) для двух средних. Не случаен, как мы увидим ниже (§ 15) и критерий модификаций. (См. табл. XII.)

Нетрудно также убедиться, что М.п. \mathcal{E} — «гибрид» двух Д.М.п.: \mathcal{T} и \mathcal{C} , из значений [e] и *[i] которых и сложен дифтонгоид [ei]. От \mathcal{T} взят верх, от \mathcal{C} низ. Примечательно, что знаком для [i]

служит *Ը, а не Ի. Причина тому: невозможность произвести новую графему из соединения Ե и Ի. Заодно подтверждается, что графема *Ը действительно первоначально звучала [i]. (См. табл. XIII, верхний ряд.)

«Гибридом», по-видимому, является и знак Յ [j]. Но откуда вообще возникла потребность в знаке для [j] при наличии *Ի? Если в чем была потребность, так это в знаке для гласного [ə] (см. § 13). Но мы уже знаем, что в Д.п. графема *Ը имела два значения: основное *[i] (§ 11, 13) — первоначально даже *[i/j], — и вторичное [ə] (§ 13) Нам известно также, что именно это вторичное значение закрепилось за ней в окончательном алфавите. Из этих двух фактов выводима следующая эволюция. Когда был создан отдельный знак для полугласного *[j] (§ 8, 11, 13), *Ի, он, по-видимому, «перетя-

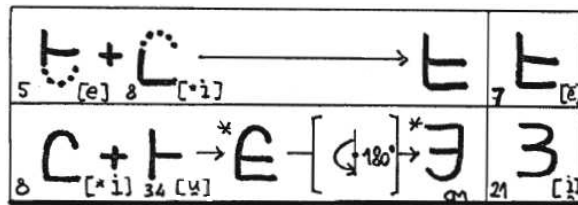

Таблица XIII. Образование новых знаков для «двойных» и из «составлявших» их Д.М.п.

нул» к себе и гласный [i]⁵⁴, с которым они составляют одну фонему, оставив знаку Ը значение [ə], являющееся другой фонемой. Значение [i] закрепилось за Ի, а полугласный [j] вновь остался без «хозяина». Такая предыстория позволяет толковать букву Յ как результат слияния *Ը и *Ի (т. е. двух Д.М.п., обозначавших, одно ранее, другое позже, звук *[i]) и поворота полученного таким образом знака на 180° во избежание сходства с греч. € (= Ε) плюс незначительная модификация). (См. табл. XIII, 2-й ряд.).

Но более всего достойна удивления месроповская система знаков для аффрикат.

Сопоставим буквы Ճ и Մ. Бросается в глаза, что это один и тот же знак (петля с концами, обращенными вверх), но

⁵⁴ Здесь наверное не обошлось без влияния греческой буквы Ι, обозначавшей и [i], и [j]. Напомним кстати, что звук [j], равно как и [w], традиционно считался гласным (армянский переводчик «Искусства грамматики» Дионисия Фракийца насчитывает восемь гласных: а, е, ё, ə, i, j, о, w).

2. От протосистемы Данииловых писем до Месроповского алфавита

начертанный, в одном случае, при помощи *округлой* линии, а в другом — при помощи *ломанной* линии.

Сопоставим теперь α и ϵ . Здесь тоже нетрудно усмотреть одно и то же исходное начертание (петля с концами обращенными в бок), где также в одном случае использована округлая линия, а в другом ломанная⁵⁵.

Эти наблюдения имели бы небольшую ценность, если бы при этом не оказывалось, что: 1) оба знака, образованные из стоящей петли (чьи концы обращены вверх), обозначают *глухие* аффрикаты, а оба знака, образованные из лежащей петли (с концами в сторону) — *звонкие* аффрикаты; и 2) оба знака с округлой формой обозначают *свистящие* аффрикаты, а оба с ломанной — *шипящие*.

	$[G_{180}] \rightarrow$			14		$[ts]$
		$[\downarrow \Delta] \rightarrow$		19		$[tʃ]$
		$[L_{90}]^* \rightarrow$		17		$[dz]$
		$[\downarrow \Delta]^* \rightarrow$		27		$[dʒ]$
		$[L_{0}] \rightarrow$		35		$[tʃv]$
	6	$[z]$	cm	25		$[tʃz]$

Таблица XIV. Образование системы знаков для аффрикат. Вне картуша: впереди стоящая буква, возможно послужившая критерием модификации графемы (§ 15)

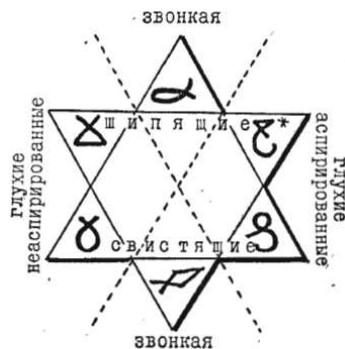

Таблица XV. Система аффрикат (схема, иллюстрирующая изоморфизм графической и фонетической структур букв)

⁵⁵ Форму петли буквы ϵ трудно толковать иначе, чем как ромб, подвергшийся курсивизации (округлению двух его тупых углов).

В таком контексте вряд ли случайна и форма буквы \mathfrak{S} , которая есть ничто иное, как перевернутая \mathfrak{D} с дополнительным крюком на одном конце. Ведь эта графема обозначает тот же звук, что и \mathfrak{S} (глухую свистящую аффрикату), но с придыханием (крюк). Правда, шестая аффриката выпадает из этой схемы, но вероятностный подсчет показывает, что это ничуть не ставит под сомнение реальность самой системы. Это дает нам право реконструировать и для этого звука форму, требуемую системой, и попытаться понять, как и почему она была изменена.

Закономерен и вопрос о прототипе исходной формы «петля» и об алгоритме образования всех шести аффрикат из этой исходной формы.

Наиболее правдоподобной нам представляется следующая последовательность операций (см. табл. XIV). За основу была скорее всего взята форма буквы \mathfrak{Q} , т. е. стоящая петля с концами вниз, образующими «плоский» угол (180°): из всех фрикативных, наиболее близок к аффрикатам, как по месту своего образования, так и по своему акустическому эффекту, именно звук [z]; кроме того, значение его греческого коррелята Z традиционно рассматривалось грамматиками как сложное звуко сочетание [zd/dz]. Из этой формы, обозначающей *аффрикатность*, были произведены три рабочие формы, отличающиеся от нее углом между ее концами (90° вместо 180°), а между собой — ориентацией и формой этих концов (вверх, вправо, вниз + крюк), и обозначающие соответственно *глухость*, *звонкость* и *глухо-аспирированность* аффрикаты. Затем, из каждой рабочей формы были произведены соответствующие свистящие (без изменений) и шипящие (путем зеркального отражения относительно вертикальной оси и замены округлой линии на ломанную).

Созданные таким образом формы \mathfrak{D} \mathfrak{X} и \mathfrak{S} остались неизменными. Формы $\ast\mathfrak{A}$ и $\ast\mathfrak{E}$ подверглись незначительным модификациям (главная — «инерционные» удлинения и загиб одного из концов) в целях индивидуализации и облегчения написания. Наконец форма шестого знака была перевернута на 180° и лишена своей нижней части, по-видимому, — во избежание сходства с \mathfrak{S} .

Так ли именно была создана система аффрикат, трудно сказать, но сама ее системность совершенно несомненна. См. табл.

XV, где один треугольник содержит свистящие, другой — шипящие, а глухие, звонкие и аспирированные группируются попарно. Самое удивительное — это, что такая (или подобная ей) «треугольная» система расположения аффрикат, отражающая *все их дифференциальные признаки*, была известна Месропу Маштоцу. Что это так, явствует из использованного им способа построения алфавитного порядка всех Д.М.п и М.п. (§ 15).

15. *Новый алфавитный порядок.* Как уже отмечалось (§ 3), армянский алфавит четко делится на два подмножества: подмножество «греческих» букв, расположенных в порядке своих греческих коррелятов, и подмножество «негреческих», о расположении которых можно утверждать лишь то, что они перемежаются с «греческими». Следовательно, в основе порядка букв армянского алфавита лежит порядок греческого. Но, во-первых, это уже не совсем тот порядок, что в Д.п., а во-вторых, из греческого алфавита невозможно вывести позиции «негреческих» букв (т. е. «полугреческих» и новых).

Д.п.-20 точно калькировали внутреннюю форму соответствующих греческих букв. Но добавление знаков шестого ряда и изменение значений некоторых графем (Ϛ ϛ Ϝ ϝ) во многом ее нарушили. Однако, судя по современному расположению «греческих» букв, Маштоц *восстановил* правильную последовательность, исходя из окончательного значения каждой графемы, вследствие чего:

- 1) ϛ попала между Ϛ и ϝ (на место греч. Ι);
- 2) ϛ попала между Ϝ и ϝ (на место греч. Υ);
- 3) ϝ и Ϝ поменялись местами.

Кроме того, желая, по-видимому, чтобы буква ϝ (монограмма Христа) замыкала алфавит (вспомним, что по любопытному совпадению он открывается Ϝ, первой буквой слова *astuac* «Бог»), Маштоц перенес ϛ с места греч. Ω (в конце алфавита) на место греч. Ο (между Ϛ и ϛ).

Относительно «негреческих» букв, никакого рационального принципа их расположения до сих пор обнаружено не было. Правда, отмечалось, что некоторые «негреческие» буквы похожи на «греческие», за которыми они следуют либо непосредственно, либо через одну: ϛ на ϛ, Ϝ на Ϛ, ϝ на ϛ, Ϟ на ϝ, ϟ на Ϛ и Ϡ на Ϡ. Но поскольку 1) нам точно известно происхождение каждой из этих

форм М.п. (последние, кроме Է и Հ, генетически независимы от только что перечисленных своих соседей); 2) сходство это наблюдается только у половины М.п. и 3) оно наблюдается то между соседними буквами, то между буквами, разделенными одной графемой, — то очевидно, что это сходство есть не причина, а *следствие* такого расположения М.п., т. е. что формы «греческих» букв, все за которыми они оказались, были использованы в качестве *критерия для их модификации* (придания им окончательного вида): за исключением случаев, когда оно объясняется генетически (Է и Հ), указанное сходство наблюдается только у М.п., произведенных путем поворота и последующего изменения своего прототипа; использование же в качестве образца не непосредственно предшествующей буквы легко объясняется непригодностью последней. См. табл. XII и XIV вне картушей.

Бессистемность порядка «негреческих» букв — намеренная и подражает стихийной бессистемности греческого алфавита (или «греческой» части армянского). Чтобы новый алфавит выглядел однородным и цельным, а не составленным из отдельных, отличных по своим принципам построения, кусков, надо было избежать скопления всех М.п. вслед за Д.М.п. и какой бы то ни было явной упорядоченности «негреческих» букв.

Внести беспорядок в упорядоченное множество можно двумя диаметрально противоположными способами: 1) механическим смешением его элементов и последующим «вытягиванием» наугад их один за другим; 2) приложением к нему определенной системы перестановок. Если бы Месроп Маштоц воспользовался первым (невоспроизводимым) способом, этим было бы все сказано. К счастью он выбрал второй путь, более трудный, но воспроизводимый и, главное, восстанавливаемый.

Восстановить его удалось методом *перебора вариантов*, благо число возможных и вероятных исходных порядков и способов преобразования не только ограничено, но и невелико.

Исходных порядков было два: 24-значная матрица Д.М.п. какой она была до восстановления нарушенного порядка греческих коррелятов (табл. XVII *a*, ср. табл. VIII); порядок 12 М.п., где на первом месте стоят «двойные», на втором — фрикативные, на

2. От протосистемы Данииловых писем до Месроповского алфавита

третьем — аффрикаты, причем «двойные» и фрикативные расположены в алфавитном порядке их «греческих» «родителей», а аффрикаты — в виде двух треугольников, из коих верхний содержит шипящие, а нижний — свистящие, и где глухие находятся слева, звонкие в центре, а аспирированные справа (табл. XVI, ср. табл. XIII, XII и XV).

		[t-]	[d-]	[th-]
а	1	⌘		Ϸ
	2			ϸ
б	1			
	2		Ϸ	
	3		ϸ	
	4			

Таблица XVI. Порядок новых букв (М.п.).

Буквы второй группы (М.п.) были затем вставлены в 24-клеточную матрицу Д.М.п. между рядами, таким образом, чтобы 1) сперва шли «двойные» и фрикативные (в установленном порядке), а за ними аффрикаты с соблюдением их взаимного расположения в виде треугольников, и чтобы 2) все М.п. располагались симметрично относительно вертикальной оси. Эти условия повлекли за собой некоторое «спрессовывание» (компрессию) аффрикатных треугольников и смену направления от горизонтального (первые 3 буквы) к вертикальному (остальные); оставшееся свободным горизонтальное междурядье было использовано в качестве границы между обоими направлениями (табл. XVII б).

Далее, буквы второй группы были следующим образом *привязаны* к буквам первой группы: каждая «двойная» и фрикативная была включена в тот вертикальный ряд, что находится *справа* от нее, а каждая аффриката — в тот, что *слева* (табл. XVII в).

Наконец, все Д.М.п. были выстроены, как описано выше, в порядке греческого алфавита вместе с привязанными к ним М.п., в результате чего и образовался до сих пор соблюдаемый порядок

армянского алфавита⁵⁶.

16. *Вместо заключения* приводим относительную хронологию этапов формирования армянского алфавита, вытекающую из произведенного нами структурного анализа его графем, а также, в виде таблицы, историю образования каждой буквы — от Д.п.-20 («протосистемы», см. табл. VII) до месроповского алфавита в его окончательной форме: см. табл. XVIII.

Наш анализ позволил нам выделить семь последовательных этапов образования месроповского алфавита:

1. *Создание внешней формы Д.п.* (= тайнопись для какого-то [малоазийского?] письменного языка?). Автор неизвестен. Время создания неизвестно.

2. *Наложение этой внешней формы на внутреннюю форму* (минус 4 «омофона») *греческого алфавита*. Автор: Даниил? Абел? Начало V в.⁵⁷

3. *Приспособление Д.п.-20 к выражению 16* в них не предусмотренных звуков *дренеармянского языка* путем:

- выработки вторичных значений для четверти Д.п. и употребления диграфов/триграфов для «сложных» звуков;

- создание 4 дополнительных Д.п.

Употребление вторичных значений и ди-/триграфов могло возникнуть спонтанно. Автором четырех дополнительных Д.п. можно смело считать Маштоца, которому было поручено введение Д.п. в обиход и обучение им. Какое из этих нововведений было произведено раньше — неизвестно. Оба датируются двухлетним (?) периодом между получением Д.п. и поездкой Месропа в Сирию.

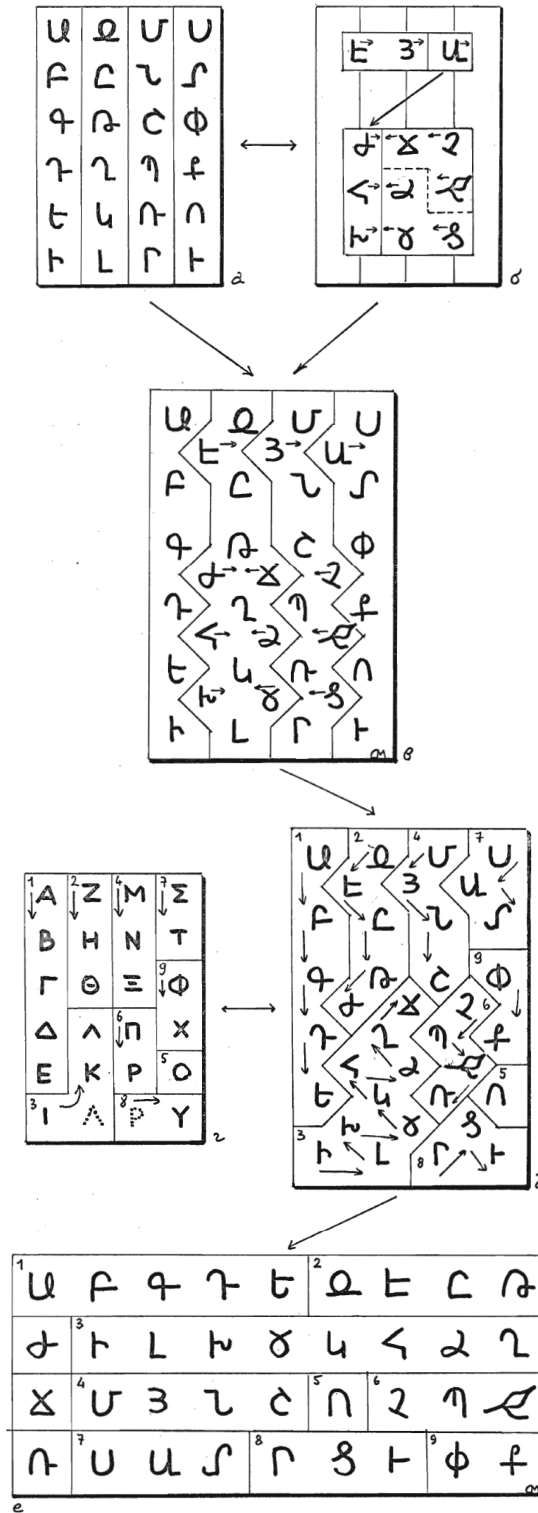
Таблица XVII. *Установление алфавитного порядка* [см. с. 61].

а Д.М.п. (матричная раскладка, соответствующая Д.п.-24 [см. табл. VIII]); *б* Расстановка М.п. в междурядьях матрицы; *в* Совмещение Д.М.п. и М.п. на одной матрице и привязка последних к вертикальным рядам первых; *г* Восстановление алфавитного порядка греческих коррелятов Д.М.п.; *д* Выстраивание Д.М.п. и привязанных к ним М.п. в алфавитном порядке греческих коррелятов Д.М.п.; *е* Окончательный порядок месроповского алфавита.

⁵⁶ Возможно, древние историки имели в виду как раз эту процедуру, когда писали, что Маштоц, «*расставив* [письмена на 24-значной матрице], *расположил их по* [греческим] *силлабам* [т. е. согласно порядку звуков греческих букв]» (Корюн, 8), «*стал располагать* *письмена с их произношением*» и, пользуясь легким методом, подсказанным Сааком, «*смог вернуть* *буквам порядок греческих силлаб*» (Лазарь, 10). Ср. прим. 32 и 59.

⁵⁷ Если же наложение это было произведено до Даниила, то оно произошло не ранее распространения иотаизма на греческом Востоке (II-III вв.). Ср. прим. 48.

2. От протосистемы Данииловых писем до Месроповского алфавита

4. *Усовершенствование начертаний половины Д.п.* (создание Д.М.п.). Автор: Месроп Маштоц. Новые формы несомненно были обнаружены в Сирии⁵⁸, но могли быть выработаны намного ранее и несомненно предшествовали созданию М.п., в основе которых они лежат.

5. *Создание* для звуков, не предусмотренных в Д.П.-24 (Д.М.п.), *12 новых знаков* (М.п.), заменивших вторичные значения и моно-фтонгические диграфы [при сохранении описательного написания дифтонгов — включая [ow/u]^{58a} — и трифтонгов]. Автор: Месроп Маштоц (но см. ниже п. 7). Как и в случае Д.М.п., обнаружению М.п. в Сирии должна была предшествовать длительная работа.

6. *Установление общего алфавитного порядка* Д.М.п. и М.п. Вопреки инсинуациям Лазаря, авторство Маштоца бесспорно: использованный способ предполагает точное знание как матричного расположения Д.п.-24, так и способа создания («родителей») «двойных» и фрикативных М.п., а также — главное — внутренней структуры системы аффрикат. Ничего из всего этого Саак знать не мог, разве что весь алфавит был создан или им самим, или в постоянном соавторстве с Месропом, что крайне маловероятно, судя по свидетельствам Корюна и Мовсеса и ввиду неучастия католикоса в поездке в Сирию⁵⁹.

7. *Модификация форм некоторых М.п. по подобию впереди стоящих Д.М.п.* Это усовершенствование (равно как, возможно, и некоторые другие модификации М.п. и Д.М.п.) можно смело приписать греческому каллиграфу Ропаносу (Руфину?).⁶⁰

⁵⁸ Под обнаруживанием мы имеем в виду «божественное откровение» Месропу армянских букв, которое имело место не то в Эдессе, не то в Самосате. Этому интересному эпизоду мы надеемся посвятить отдельную заметку [см. ниже, «Извлечение...» — *Ред.*].

^{58a} [См. выше прим. 51.]

⁵⁹ Лазарь, 10: «Когда буквы были таким образом открыты, блаженный Маштоц стал располагать письма с их произношением под руководством патриарха Саака, который указал ему легкий метод, дав ему в помощники людей, знавших греческие буквы также хорошо, как Маштоц... С их помощью блаженный Маштоц смог вернуть буквам порядок греческих слогов, постоянно проверяя и изучая у святого патриарха Саака формы букв, чтобы точно воспроизвести порядок греческих букв. В самом деле, они не были способны выполнить с точностью эту задачу без советов святого патриарха Саака, который был очень образован и превосходил знаниями нескольких греческих ученых, поскольку знал в совершенстве риторику и красноречие и проявлял даже хорошее знакомство с философскими науками...» и далее о недостаточности познаний Месропа и его учеников (иереев) по части греческого языка. Тенденциозность этого текста очевидна [при том, что он, похоже, отражает в какой-то мере процесс создания алфавитного порядка. — *Авт.*].

⁶⁰ По Мовсесу (III, 53) Месроп консультировался с Ропаносом до «откровения», а после него «создал он наши письма вместе с Ропаносом, который немедленно изобразил формы месроповских писем, придавая армянским стихиям [т. е. буквам, греч. στοιχεῖα] точность слогов

2. От протосистемы Данииловых писем до Месроповского алфавита

* * *

Такова, насколько нам удалось ее восстановить, история создания армянского алфавита. Как нам кажется, знакомство с нею ничуть не умалило подвига человека, создавшего этот алфавит и заложившего тем самым основы армянской литературы, науки и культуры. Напротив, мы смогли убедиться, с какой целеустремленностью и с каким глубоким знанием дела он преобразовал «нищенски заимствованный скудный алфавит» (Мовсес) Данииловых писем в один из совершеннейших алфавитов мира. А его анализ фонологической структуры армянского языка и отражение графическими средствами таких ее подразделов как специфические фрикативы и вся система аффрикат — вообще не имеет себе равного вплоть до XIX в. и ставит Маштоца на голову выше всех античных и средневековых грамматиков⁶¹.

Таблица XVIII. *Схематическая история форм и значений всех графем месроповского алфавита (М.А.), от Д.п. до М.п.* [см. с. 64].

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ТАБЛ. XVIII:

×	усечение графемы
↓	понижение вторичного элемента
≈ ˘	замена основного элемента на ˘
≈ —	замена вторичного элемента на —
≈	замена вторичного элемента на
{18}	обмен значениями с графемой № 18
S	упрощение формы
m	модификация
mg	модификация под влиянием греч. курсивн. эквивалента
m ↑	модификация под влиянием вышестоящей графемы № 9
+	слияние, присоединение
↶	поворот на 90° влево
∠	замена округлой линии ломанной

греческого языка». По Корюну (8), после «откровения» Маштоц «нашел некоего каллиграфа греческой письменности по имени Ропанос, с помощью которого он, окончательно изобразив и приносив все различия писем — тонкие и жирные, короткие и долгие, отдельные и двойные, — приступил к переводам...», причем не кто иной, как Ропанос изготовил первую (беловую) рукопись перевода Притчей Соломоновых и обучил первых армянских писцов.

⁶¹ [Последняя фраза, как выяснилось, немного грешит против истины: через тысячу лет, в XV в., был создан корейский фонологический алфавит хангыль. См. напр. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Хангыль>. Более подробно см. Ross King, in: Peter T. Daniels, William Bright (Editors), *The World's Writing Systems*, Oxford University Press, 1996, с. 218-227. — *Авт.*]